

Литература

1. *Азаренко А.С.* Топология культурного воспроизводства (на материале русской культуры). Екатеринбург, 2000.
2. *Блонский П.П.* Память и мышление. СПб., 2001.
3. *Бубер М.* Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М., 1995.
4. *Валери П.* Декарт // Вопросы философии. 2005. №12.
5. *Гайденко В.П.* Западноевропейская наука в средние века: общие принципы и учение о движении. М., 1989.
6. *Гуддинг Д., Леннокс Дж.* Мирозозрение: человек в поиске истины и реальности. Ярославль, 2004. Т.2. Кн.1.
8. *Кашперский В.И.* Антропология знаний: ценности и смысл // Кашперский В.И. Философия как призвание (работы разных лет). Екатеринбург, 2006.
9. *Круткин В.Л.* Телесный символизм «древнего благочестия» и проблема отчуждения // Философская жизнь Урала. Альманах. Екатеринбург, 1999.
10. *Леви-Брюль К.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
11. *Лист Э.* Наступит ли «эпоха нового тела»? // «Вестник высшей школы». 2002. №6.
12. *Любутин К.Н., Пивоваров Д.В.* Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993.
13. *Мерло-Понти М.* Око и дух. М., 1992.
14. *Ортега-и-Гассет Х.* Две главные метафоры // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2003.
15. *Платон.* Софист // Платон. Соч.: В 3 т. М., 1976. Т.2.
16. *Розин В.М.* Любовь и сексуальность в культуре, семье и взглядах на половое воспитание: учебное пособие для вузов. М., 1999.
17. *Тахо-Годи А.А.* Греческая культура // Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб., 1999.
18. *Хайдеггер М.* Закон тождества // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник. М., 1991.
19. *Юнг К.Г.* Символы трансформации. М, 2000.

Ю.П. АНДРЕЕВ

ЭТНОС КАК СУБЪЕКТ МЕНТАЛЬНОСТИ

На исходе 20-го века человечество потеряло гарантии своего существования, поскольку был разрушен Советский Союз как определяющий экономический, политический и духовный фактор сохранения мира и тенденции прогрессивного развития социализма. Планетарное противоборство добра и зла, различных мировоззренческих систем и религий, острые межнациональные конфликты и т.д., фактически разрушили правовые и моральные ограничения, выработанные человечеством после второй мировой войны. Экономика и политика, основанные на философских принципах социального дарвинизма и «расцветенных» современными идеями постмодернизма, глобализма и т.п.,

обрекают мир на «тектонический» раскол и на превращение очаговых войн в войну мирового масштаба с применением средств массового уничтожения.

В этих условиях необходима разработка таких концептуальных идей, которые могли бы объединить человечество в его противодействии информационным, финансовым, экономическим и силовым методам утверждения во всех странах архетипа обозначаемого общим понятием «вестерн». Этот исторический архетип основан на приоритете частной собственности, конкуренции, права над моралью, личных интересов над общественными и т.д. Главной особенностью данного типа общества является **монетарный тоталитаризм**, базирующийся на всевластии денег, посредством которых можно все купить и все продать.

Исключительная сложность и динамичность современных социальных процессов в значительной степени актуализируют потребность в их комплексном философском исследовании с целью выработки принципиально новой парадигмы, которая должна наиболее адекватно выразить историческую реальность и современность, обозначить и решить проблему **основного субъекта истории**, что имеет не только историческую и практическую значимость, но значимо и для будущего существования социума. В истории философии сложилось несколько систем и направлений, в рамках которых эта проблема решалась порой с диаметрально противоположных позиций. Так, теологизм исповедует божественную предопределенность всего сущего, включая жизнь отдельного человека и всего общества; космолизм сводит существование и развитие общества к определяющему воздействию космических сил; антропологизм, в конечном счете, считает основным субъектом истории личность, наделенной самодостаточностью, универсальностью, самоценностью и т.д.; социоцентризм переносит источник развития в общество, трактуя человеческую историю как процесс реализации объективных закономерностей, как борьбу противоположностей в форме борьбы классов, слоев, элит и т.д.

Современный уровень развития науки, прежде всего гуманитарного профиля, и коллизии глобального масштаба, сотрясающий весь социум, выводят на возможность определения в качестве новой социально-философской парадигмы – **этноцентризм**, определяющего этнос в качестве **основного субъекта исторического творчества**. В рамках этой концепции в качестве исходной и основной категорией, естественно, выступает понятие «**этнос**», определяемый нами как исторически сложившаяся **группа людей, выступающая субъектом истории и обладающая собственными природными условиями существования, этнонимом, самосознанием и культурой**. Каждый из выделенных признаков обладает конкретно-

историческим содержанием, но только их наличие и системное единство конституирует полномочность этноса.

Представляется, что наиболее актуальной в теоретическом и практическом аспекте выступает проблема этнического сознания и такого его компонента, каким является этнический или национальный менталитет.

В отечественной литературе существует несколько точек зрения относительно специфики содержания данных понятий. Ю.В. Бромлей, например, выделял такие компоненты или признаки этнического сознания, как: а) самоидентификация субъекта по этнической принадлежности; б) автостереотипы, т.е. оценочное знание наиболее типичных черт своего этноса; в) знание истории своего народа и т.д. Г.В. Старовойтова выделяла такие индикаторы этнического самосознания, как: а) этническая самоидентификация; б) знание об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих свойствах; в) представления о собственных особенностях характера и т.д.

В принципе можно согласиться с наличием этих и других признаков этнического сознания, но при этом следовало бы провести структурирование выделенных признаков, а не идти по пути их простого перечисления. При этом необходимо, во-первых, иметь в виду структурированность самого человеческого сознания и, во-вторых, наличие в этническом такого важного компонента, как этнический менталитет.

Представляется, что в самом общем плане можно выделить следующие структурные элементы этнического сознания. На рациональном уровне это сознание представлено когнитивным компонентом, который включает в свое содержание историческую память, знание о возникновении и основных этапах исторического пути этноса, понимание своего места в истории и современности на основе сопоставления «мы» и «они», осознание отличительных признаков своего этноса, на основе которых осуществляется самоидентификация этноса и его субъектов.

Важное место в структуре этнического сознания занимает регулятивный компонент, который включает, прежде всего, этнопопуляционные интересы. Эти интересы выполняют функцию установок и мотивов поведения субъектов, как по отношению к представителям своего, так и по отношению к представителям других этносов. Конкретные формы реализации этих интересов выражаются в создании различных средств самосохранения (многообразные табу, управленческие органы, институты воспитания и образования, способы материального и духовного производства, защита своих природных средств существования и культуры и т.п.). В этой связи резонно подчеркнуть, что этнос не только продукт своего экономического развития, но и сама экономика есть условие и средство

существования и воспроизводства этноса, т.е. она сама подчинена глубинным этно-популяционным потребностям и интересам.

На психологическом уровне сознания можно выделить **эмоционально-чувственный** компонент этнического сознания, который включает в свое содержание совокупность таких чувств, как: патриотизм (любовь, гордость и уважение своего этноса), а также формы эмоциональных реакций на комплиментарные или негативные оценки своего этноса и т.д. Причем, этот компонент этнического сознания ни в коем случае нельзя рассматривать как менее значимый или вторичный, тем более, что его проявление зачастую поднимает пласты подсознания, может быть, даже модифицированные безусловные рефлексы. В данном случае можно провести аналогии с проявлением религиозных чувств, под воздействием которых люди руководствуются не разумом и логикой аргументов, а убеждениями, облаченными в форму веры.

Можно, очевидно, выделить и **эсхатологический** или **мировоззренческий** компонент этнического сознания, который охватывает исторически сложившиеся идеалы, нравственные и эстетические нормы и ценности, мифологические или религиозные образы и верования и т.д.

Эти компоненты этнического сознания квалифицируют его со стороны содержания и при всех их взаимодействиях и взаимосвязях обладают относительной самостоятельностью. Но существует и такой компонент, который выполняет **интегративную** и одновременно **презентативную** функцию, абсорбируя в своем содержании наиболее общие, типичные и существенные свойства всех выделенных компонентов сознания и который можно обозначить понятием «**менталитет**».

По всей вероятности, приоритет в исследовании содержания данного понятия следует отдать представителям французской школы «Анналов» (М. Блок, Л. Леви-Брюль, Л. Чевр и др.). Правда, в рамках этой школы ракурс исследования ограничивался когнитивным и мировоззренческим компонентами этнического сознания, поскольку менталитет понимается в качестве смыслового выражения таких феноменов, как: свобода, труд, история, природа, пространство и время, структура общества и т.д.

В современной отечественной литературе менталитет трактуется и как «образ мыслей, характер размышлений» [1, с.454] и как манера чувствовать и думать в рамках обыденного общественного сознания [2, с.32] и как «модель мира, присущая обыденному сознанию людей, принадлежащих к одному этносу» [3, с.115]. В этих и других трактовках исследователи выделяют те или иные элементы или признаки, которые действительно наличествуют в менталитете, но, как правило, они носят «частичный» характер и не выражают его качественную специфику. По нашему мнению в рамках теории этноцентризма **менталитет** можно определить как

интегральную совокупность наиболее общих, типичных и существенных свойств выражающих специфику сознания определенного этноса. Это специфика проявляется во всех выделенных компонентах сознания и качественно отличает один этнос от другого в процессе их практической реализации.

Формы или виды этой реализации многообразны, но следует выделить среди них наиболее значимые.

Для конкретного человека важное значение имеет то основание, по которому он идентифицирует себя с определенным этносом. Конкретные социологические исследования показывают, что свыше 70-80 % эстонцев, грузин, узбеков и молдаван идентифицируют себя по признаку языка [4, с.153]; с другой стороны, Г. Старовойтова в результате опроса татар выявила, что у них 47% главным фактором этнической самоидентификации является отец. Примерно такие же показатели у армян (44%), тогда как у эстонцев этот фактор составляет всего 18%. Эти показатели говорят лишь об одном: у всех этносов сложились свои представления о том факторе, который является определяющим в процессе этнической самоидентификации.

Следующей формой выражения менталитета являются стереотипы, которые в соответствии с разделением на «мы» и «они» классифицируются на авто и гетеростереотипы. Эти стереотипы отражают наиболее характерные и типичные черты при оценке своего народа и других народов. Автостереотипы, как правило, включают завышенные, можно сказать, комплементарные оценки, тогда как (особенно на уровне «народной мудрости») включают заниженные, а порой просто негативные оценки. Американские социологи еще в прошлом веке дважды осуществляли анализ гетеростереотипов своих соотечественников в отношении к 7 народам (необходимо было назвать семь характерных черт каждого из них). По результатам анкетного опроса англичане были определены американцами прежде всего как спортивные, умные и консервативные. Немцы в глазах американцев обладают научным мышлением, трудолюбием и флегматичностью. Себя американцы в рамках автостереотипа оценили умными, практичными и честолюбивыми.

В конце 80-х годов прошлого века американские психологи провели интересные исследования по выявлению уровня адаптивности русских эмигрантов в новой социальной среде. И одновременно опрашивали коренных американцев. Необходимо было ответить на вопрос: «Представьте себе, что Вы сдаете экзамен по специальности, а Ваш сосед не справляется с заданием, Вы поможете ему?» Более 90% опрошенных русских ответили положительно и все американцы ответили отрицательно, считая, что своей помощью они оскорбили бы соседа, который хочет стать хорошим

специалистом. Диаметрально разошлись ответы и на вопрос: «Если человек совершил преступление, каким должно быть наказание?» Строгим, чтобы другим было неповадно – ответили русские. Наказание должно быть соответствующим правовым нормам – ответили американцы.

Периодически и в России проводятся замеры авто – и гетеростереотипов. В. Куницина в Санкт-Петербурге в 1999 году опросила 200 человек с просьбой определить 5 наиболее типичных черт у русских, украинцев, грузин, эстонцев, татар, американцев, немцев, французов, поляков и вьетнамцев. Русские оценили себя (автостереотип), как: добрые, трудолюбивые, патриоты, безалаберные, с широкой душой и т.д.; что касается оценки других этносов (гетеростереотипы), то украинцы, например, оказались в глазах русских веселыми, трудолюбивыми, хитрыми, скупыми и т.д., а грузины – гостеприимными, вспыльчивыми, общительными, гордыми, эмоциональными.

Важным компонентом или признаком менталитета является ориентация на те или иные ценности. Проведенная З.В. Сикевич в 1990 г. в 13 вузах Санкт-Петербурга исследования среди студентов показали, что русские на первые места поставили культуру и воспитанность, уверенность в завтрашнем дне и только на 5 место поставили свободу. Интересно, что армяне, наоборот, на первое место поставили свободу, а на пятое – культуру и воспитанность. Литовцы также на первое место поставили свободу, а культуру и воспитанность на четвертое место.

В обобщенном виде национальные (этнические) особенности обычно обозначаются как «дух народа», «национальная идея», «национальный характер» и т.д. Но интересно, что именно этот компонент этнического самосознания для многих мыслителей был и остается весьма интригующим и провоцирующим как на объективные, так и сугубо субъективные оценки. Но вряд ли кто из них сомневался в значимости данного компонента, несущего в себе объяснимые или необъяснимые причины взлетов и падений, побед и поражений, прогресса и регресса в истории того или иного народа. И Кант, например, характеризуя англичан и французов, называет их наиболее культурными народами мира. В то же время «немец среди всех цивилизованных народов, – пишет И. Кант, – легче всего и терпеливее всего подчиняется правительству и слишком далек от жажды перемен и противодействия существующему порядку. Его характер – это флегма в соединении с рассудительностью, причем, он как не пускается в рассуждения относительно уже существующего, так и не пытается придумать что-нибудь новое» [5, с.139]. Подчеркивая далее склонность к порядку и скромности, педантичности и подражанию немцев, И.Кант стремится к наиболее адекватной и объективной характеристике своего этноса, не впадая в крайности оценок. В этом отношении, как и во многих

других, И. Кант может служить примером исповедания истине и высокой нравственности. Чего нельзя сказать, например, о П.Я. Чаадаеве, который весьма умозрительно и тенденциозно характеризует свой народ как равнодушного к добру и злу, не родившего ни одной полезной мысли на своей бесплодной почве, являющего собой пробел в нравственном и интеллектуальном миропорядке, использующего чужую, заимствованную культуру и способного воспринимать уже готовые идеи, «когда все его участие в общем движении человеческого разума сводится к слепому, поверхностному, очень часто бесплодному подражанию другим народам» [6, с.327]. Такие оценки могли быть даны только на основе сопоставления и сравнения одного народа с другим народом и на основе принятия определенных ценностей и выполняющих роль метрической системы. П.Я. Чаадаев одним из первых открыто и целенаправленно проводил мысль о необходимости отречения от приоритета духовной жизни над материальной, что составляло одну из самых ярких особенностей русского народа. «Не будем прибавлять к остальным нашим бедам еще и ложные представления о самих себе – писал он, – не будем стремиться жить жизнью чисто духовной, научимся благоразумно жить в данной действительности» [6, с.324]. Тем более, что образцы «благоразумной жизни» западная цивилизация уже выработала и «если мы хотим подобно другим цивилизованным народам иметь свое лицо, необходимо как-то вновь повторить у себя все воспитание человеческого рода» [6, с.325]. Удивительная метаморфоза! Сначала упрек целому народу в эпигонстве, а затем призыв к этому эпигонству. Но это чисто логическая несостоятельность идеи П.Я. Чаадаева о необходимости вестернизации России. Что же касается гносеологических оснований западных идей, у истоков которых стоял П.Я. Чаадаев, то это, прежде всего, схематизм, абсолютизация интеллектуально-рационалистических форм в содержании духовности, установка на унификацию истории всех народов, абсолютизация западной христианской цивилизации в лицо католицизма. И как в этой связи контрастирует и возвышается стремящийся к истине Ф.М. Достоевский, для которого русский народ представляет собой воплощение всеединства народов, при всех невзгодах сохраняющим внутреннюю свободу, честность, откровенность и совестливость.

Литература

1. Опыт словаря нового мышления. М., 1989.
2. Гусев С.С., Пукианский П.Я. Обыденное мировоззрение: структура и способы организации. СПб., 1994.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С.115
4. Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998.
5. Кант И. Антропология. М., 1983.
6. Чаадаев П.Я. Философические письма // Соч.: В 2 Т. М., 1991. Т.1.